
А. С. КОВАЛЕВ

**ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ
СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА
ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ И ИНВАЛИДОВ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА:
ОПЫТ ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРИ)¹**

Рассматриваются особенности социального статуса пожилых людей и инвалидов в дореволюционный и послереволюционный периоды на материалах сибирских архивов, впервые вводимых в научный оборот. Автор доказывает, что именно в первой трети XX века ведущим фактором, определяющим социальное положение инвалида и человека пожилого возраста, становится отсутствие или сохранение работоспособности. Подробно анализируются понятия «пожилой человек» и «инвалид» и их эволюция.

Ключевые слова: *инвалиды труда, инвалиды войны, «беспризорные» инвалиды, нетрудоспособность, пожилые люди, социальная политика, социальный статус.*

Одна из актуальных проблем, которые стоят перед Российской Федерацией, – превращение ее в подлинно социальное государство с высоким уровнем благополучия граждан. Особое значение приобретает социальная политика, направленная на повышение качества жизни. В первую очередь это касается граждан пожилого возраста и инвалидов, поскольку отношением к ним оценивается благополучие самого государства.

Политика государства применительно к нетрудоспособному населению зачастую вызывает нарекания. В научной литературе (Холостова, Дементьева 2005; Романов, Ярская-Смирнова 2006) она определяется как неэффективная, не способствующая преодолению многочисленных социальных барьеров. Среди причин неэффективности современной социальной политики исследователи выделяют ее ориентированность на исторические традиции, в силу

¹ Исследование проводится по гранту РФФИ №13-11-24001.

которых сохраняется модель, ограничивавшая самостоятельность нетрудоспособного населения (Шек 2005; Романов, Ярская-Смирнова 2006). Одна из этих традиций заключается в том, что инвалиды и пожилые люди рассматриваются как социальное меньшинство с особым статусом, не позволяющим им полноценно функционировать в обществе. Между тем специальные исследования, посвященные вопросу идентификации пожилых и инвалидов в истории российского общества, весьма скудны.

В отдельных работах зарубежных авторов (Hubert 2000; Pearson 2005) содержится информация об эволюции отношения к инвалидам, о различиях между медицинской и социальной моделями инвалидности. Согласно первой, инвалиды не в состоянии действовать как обычные люди и поэтому им нужно помогать, создавая особые учреждения, где они могли бы на доступном им уровне работать, общаться и получать разнообразные услуги. Вторая модель предполагает, что инвалиды сталкиваются с трудностями по вине общества, не предусматривающего их участие в совместной с другими деятельности, и предполагает создание для инвалидов доступной среды, а также реализации мер, способствующих социальной и профессиональной реабилитации. Отечественные исследователи истории инвалидности (Холостова, Дементьева 2005; Шек 2005; Романов, Ярская-Смирнова 2006) придерживаются точки зрения, что до 1990-х годов в России политика инвалидности ограничивалась первой – традиционной – моделью.

Об отношении к инвалидам в Европе и России в контексте становления системы специального образования упоминается в трудах Н. Н. Малофеева (2009, 2010). Вопросы отношения к старости рассматривались в 2005 году в специальном выпуске журнала «Отечественные записки». В частности, А. Смолькин отметил, что в период становления капиталистических отношений и индустриального развития, «несмотря на существование различных благотворительных организаций и небольших пособий, старость... была настоящей катастрофой, прихода которой стоически ожидали» (Смолькин 2005: 263).

Отдельные сведения об особенностях повседневной жизни стариков в условиях патриархального уклада русской деревни представлены в монографии В. Б. Безгина (2004). Интересно его замечание о том, что в условиях экономических и социальных потрясений начала XX века иерархия привычных ценностей крестьянского мира, к коим относилось и уважительное отношение к старикам, ломалась, и в периоды хозяйственной несостоятельности «крестьянин вынужден был воспринимать стариков как лишние рты. С точ-

ки зрения физического выживания семьи их немощь являлась балластом» (Безгин 2004: 110).

Однако ни в одной из перечисленных работ не упоминается о статусе пожилых людей и инвалидов в контексте процесса урбанизации, продлившегося до середины XX века. В связи с этим особое значение приобретает исследование социального статуса пожилых людей и инвалидов в период, когда они впервые привлекли к себе внимание общества и государства.

Сегодня любой обыватель без труда определяет возрастные рамки старости, легко идентифицирует человека с инвалидностью, а эксперты-профессионалы могут установить степень нетрудоспособности и группу инвалидности в соответствии с особенностями физического недуга человека. Однако биологический возраст человека часто не соответствует его социальному и психологическому возрасту, формальная инвалидность не всегда делает человека в действительности инвалидом, а критерии экспертизы хоть и призваны быть объективными, но иногда тоже грешат неточностью. Между тем социальный статус во многом отражает возможности полноценного участия инвалидов и пожилых людей в обществе, поскольку статус – это не только положение, занимаемое социальной группой в обществе, но и соответствие/несоответствие господствующей в обществе системе ценностей, что придает социальной группе ту или иную значимость в общественном мнении.

Оформление социального статуса инвалидов и пожилых людей в России в начале XX века продолжалось до 1930-х годов. Указанные хронологические рамки обусловлены рядом факторов. Прежде всего к началу XX века в развитых странах средняя продолжительность жизни устойчиво увеличивалась. Старость становилась значимым социальным феноменом, пожилые люди вознаграждались за вклад в развитие общества, складывались предпосылки для всеобщего пенсионного обеспечения по старости, появились различные виды социальных услуг для людей пожилого возраста. Еще одна проблема модернизирующегося российского общества – расширение понятия инвалидности, когда к людям с врожденными дефектами добавлялись такие, которые стали нетрудоспособными вследствие общего или профессионального заболевания либо производственной травмы. Сюда же относится значительное число инвалидов войн.

Кроме того, на формирование статуса инвалида или пожилого человека серьезно воздействовала идеология государственной социальной политики и ее практическая реализация. Социальная политика влияет на положение любой группы в структуре общества,

определяя ее статус через механизмы распределения социальных благ и объем предоставляемых гарантий. Однако не всегда ясно, кого именно и по каким причинам в свое время относили к той или другой социальной группе.

На первый взгляд в этом нет ничего сложного. Но более тщательный анализ выявляет определенные проблемы с определением обществом четких границ между различными группами инвалидов, между инвалидами и пожилыми людьми. Данное обстоятельство существенно тормозило в первые десятилетия советской власти формирование полноценной системы социальной заботы о пожилых и инвалидах, ориентированной на специфические потребности различных категорий нетрудоспособного населения и позволяющей дифференцировать социальную помощь и поддержку в соответствии с их социальным статусом.

Следует отметить, что собственно таких понятий, как «пожилой возраст» и «пожилые люди», прежде не было. Встречаются слова «престарелый», «старый», «старик», «немошный», «дряхлый». К примеру, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля (Даль 1865, т. 2: 1108; т. 3: 202–203, 300; 1866: 288) слова «пожилой» нет вовсе, но упоминается близкое по смыслу «поживать», т. е. «проводить жизнь так, как живется». «Престареть» (престариться, состариться) означает «достигнуть глубокой старости, самых преклонных лет, одряхлеть годами»; «престарелый» – доживающий век свой, доживший до глубокой старости. Встречается у Даля и подробное объяснение слова «старый» – «достигший преклонных лет, доживающий век свой, кому под 60 и более». В дореволюционный период в России под старостью понимался жизненный цикл человека, для которого характерны размытость возрастных границ, дряхлость как неспособность самостоятельно действовать и «доживание так, как живется». Об этом свидетельствуют следующие примеры.

Отставной рядовой из Томска Михаил Владимирович Казадаев, участник Севастопольской войны, который оставался трудоспособным до 93 лет, стариком себя не считал и в своем прошении в Томскую городскую управу о выдаче пособия не говорил ни о дряхлости, ни о состоянии здоровья, полагая, что заслуживает особого к себе внимания не в силу возраста, а только потому, что он «его заслужил» (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 3407. Л. 48). Зато в Красноярской гражданской богадельне содержались 54-летняя Аграфена Парфенова и 65-летняя Александра Чердакова, считавшие себя «престарелыми старухами... по старости и слабости» и «по дряхло-

сти»» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 11. Лл. 2–3). Чаще всего человек относил себя к старым или престарелым только тогда, когда ощущал «слабость», «дряхлость», «невладение телом, руками и ногами», был «не в силах снискивать пропитание». Важно отметить, что если у человека были родственники, то он вроде бы и не замечал наступления старости. В этом случае «человек в годах» был объектом семейного уважения и заботы и получал все, что ему требовалось, от своих детей и внуков. Старость становилась той самой социальной «катастрофой», о которой говорит А. Смолькин, только для одиноких и бедных горожан.

Любопытно, что если у старика обнаруживались «слепота», «паралич» или «слабость сил», он не переходил в статус «инвалида» – такого статуса не существовало. В архивных материалах не встречаются слова «убогий», «хворый» или «больной». Слово «инвалид» используется только как синоним слова «ветеран», а в богадельнях находились лица, которым явно далеко до старости – 30, 40 или 50 лет. Этим людям можно было бы называть как-то иначе, но никакого специального обозначения найти не удастся. Во всех отчетах, статистических сводках указывается только на физический недуг проживающих в богоугодных заведениях – «слабоумный», «хромой», «глухой», «слепой». Если и существует термин, который мог бы объединить все эти группы инвалидов, то только «нетрудоспособный» и опять же соответствующие ему характеристики: «не может доставлять сам себе пропитание», «своим трудом доставать пропитание», «нет родственников, которые могут позаботиться». Никаких разграничений среди инвалидов, как, впрочем, и среди пожилых людей, не было. Даже среди ветеранов редко упоминается «инвалид войны», изредка встречается слово «пенсионер», но это обозначение могло относиться к любому, кто получал пенсию (по старости, по увечью, по выслуге лет, за службу), даже к матери-одиночке, получавшей пособие на содержание детей. Поэтому, говоря о начале XX века, отождествлять пожилого человека с пенсионером нужно с осторожностью: участвовавший в эмеритальной кассе служащий мог «выйти на пенсию» в сравнительно зрелом, но не пожилом возрасте – в 52–55 лет, быть здоровым, иметь семью, вести хозяйство, и для него обозначение «старый», а тем более «престарелый» вряд ли подходит.

Таким образом, налицо сращивание обеих групп. Пожилые люди и инвалиды были объединены статусом «нетрудоспособные» в силу физического недуга или возраста, а также понятием «престарелые», поскольку в представлении обывателей, если человек

не был стар летами, но болезнь не давала возможности работать, значит, он уже «доживал» свой век и для него наступал «престарелый» возраст – период дожития.

Обозначение «инвалид» прочно входит в лексику русского общества только в годы Первой мировой войны. Именно тогда на патриотической волне в особую категорию попадают те, кто получил увечье на фронте («военные инвалиды»). Однако их статус по-прежнему видится сквозь призму работоспособности. Да, теперь им платят пенсию (пособие) в соответствии со степенью утраты трудоспособности, но все равно рассматривают для них возможность трудиться. Наверное, именно здесь зарождается «особое» отношение к инвалидам, когда государство начинает рассматривать увечного человека с позиции его «полезности» для общества, стремясь «выжать» из него остатки работоспособности. В то же время это были первые попытки создать механизм профессионально-трудовой реабилитации инвалидов. Теперь открытие новых богоугодных заведений «для увечных воинов» и приютов «при мужских обителях» было отодвинуто на задний план. На первое место вышло «устройство... работ для увечных воинов» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 522. Л. 1). Св. Синод поручил благочинным на местах выяснить, какие средства к существованию имеют инвалиды войны, как предполагают устроиться и обеспечить свое существование неимущие, а также «имеются ли из числа инвалидов желающие обучаться ремеслам» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Лл. 28–30). Государству было невыгодно содержать инвалидов войны, еще способных к труду, и оно изыскивало средства для того, чтобы «дать удочку, а не рыбу». Тем самым проводилась определенная дифференциация среди инвалидов войны: одних по-прежнему оставляли в группе «нетрудоспособные», других выводили из нее, добавив к их новому статусу «увечный воин» статус «социально активного» человека. С этой целью государство организовало за счет Военного министерства ремесленнические курсы, через органы управления Русской православной церковью – курсы псаломщиков, при помощи Министерства земледелия – обучение сельскохозяйственного профиля.

Самим инвалидам войны иждивенческая позиция была более близка, чем появившаяся возможность заменить нищенское пособие доходом от собственной трудовой деятельности. Большинство опрошенных инвалидов выражали надежду, что «помогут родители, родственники», «будет достаточно пособия». Кто-то страдал от неграмотности и списывал на нее свое нежелание трудиться,

и только немногие шли учиться и работать, несмотря на недуг. Так, 25-летний Петр Васильевич Ерофеевский из Томска, который после ранения оказался не способен к какому-либо физическому труду, поскольку «вынуты 3 ребра и не владеет рука и нога», отправился учиться на псаломщика. Или 34-летний крестьянин Федор Иванович Паршиков, который получил на фронте «поранение руки», жил на особую пенсию как кавалер Георгиевского креста 3-й и 4-й степеней и был ею вполне доволен, но тоже просил «допустить... как инвалида устроиться на курсы, дабы... потом получить должность...» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Лл. 34, 36, 40 об. – 41 об., 62, 81–82). Эти примеры в очередной раз доказывают, что социальный статус инвалида во многом определялся его собственными устремлениями – оставаться среди «полноценных» граждан либо сознательно переходить в разряд «престарелых», доживающих век.

В годы революции и Гражданской войны трудно оценить, как изменяется статус инвалидов и пожилых людей. Это период затишья в том плане, что сохраняется определенный статус-кво – в их положении ничего не меняется. Однако советская власть побеждает, на смену буржуазной идеологии общественного призрения приходит социалистическая идея социального обеспечения, а по мере того, как эта идеология эволюционирует, меняется и положение рассматриваемого контингента.

Поначалу новая социальная политика в отношении инвалидов и стариков не сильно отличалась от дореволюционной. Условия жизни в инвалидных домах, пришедших на смену богадельням, остались прежними. Вплоть до середины 1920-х годов нетрудоспособных по старинке величали «призреваемыми», заявления о помощи в органы социального обеспечения по своей стилистике напоминали прошения городскому голове. Были амнистированы многие «несоветские» элементы (инвалид-колчаковец из Томска даже получал пенсию и работал в трудовой артели наравне с инвалидами Красной Армии), уравнивались в правах прежние пенсионеры, независимо от того, в какой кассе (эмеритальной или страховой) до революции состоял претендент на пенсию. Это было крупнейшим достижением для того времени – практически безоценочный подход (исключение составляли только лишенцы), который, впрочем, во многом продолжил дореволюционную традицию, несмотря на то что обзавелся «трудовым» содержанием. По-прежнему тот, кто мог работать, обязан был приносить пользу обществу до преклонных лет.

В декабре 1921 года декретом Совнаркома «О социальном обеспечении инвалидов» была введена шестигрупповая классификация инвалидности: 1) инвалид не способен к профессиональной работе и нуждается в посторонней помощи; 2) неспособный к профессиональной работе, но обходящийся без посторонней помощи; 3) неспособный к регулярной работе, но добывающий средства к существованию случайными, легкими работами; 4) инвалид может перейти на новую профессию более низкой квалификации; 5) инвалид должен найти новую профессию такой же квалификации; 6) возможно продолжение прежней профессиональной работы с пониженной производительностью (О социальном... 1921).

Инвалиды первых трех групп получили право на пенсионное обеспечение, причем уездные и губернские органы социального обеспечения чаще всего относили к первой категории пожилых инвалидов. С одной стороны, нужное основание устанавливало изданное Наркоматом социального обеспечения в том же году Положение об инвалидных домах для инвалидов I категории: «Под инвалидами I категории понимаются те, которые вследствие старческой дряхлости... не могут обойтись без постороннего ухода» (ГАКК. Ф. р-270. Оп. 1. Д. 2. Л. 14). С другой стороны, местные соборы сами рекомендовали друг другу записывать стариков в I группу, поскольку «это инвалиды в большинстве случаев престарелого возраста». При освидетельствовании пожилым людям в графе «причина инвалидности» ставили: «в лечении не нуждается, старость» (ГАИО. Ф. р-558. Оп. 1. Д. 60. Л. 130; ГАКК. Ф. р-270. Оп. 1. Д. 44. Л. 22 об.).

Постепенно безоценочный подход трансформируется в подход классовый. Под влиянием идеологии основное место в обществе занимает «человек труда», получающий право принадлежать к привилегированной части общества. То же касается и людей с инвалидностью, среди которых особо выделяется группа инвалидов труда. Далее в «инвалидной иерархии» следовали инвалиды Красной Армии и инвалиды «империалистической войны». Фактически вместо официально оформленной на законодательном уровне классификации в реальности происходит совершенно другое деление. Опять же следует обратить внимание на то, что «исчезают» старики. Ни в одном государственном документе о них не упоминается, только иногда в рабочих документах (справки, переписка) говорится об «инвалидах старости», но куда чаще встречается другое название – «беспризорные инвалиды» (ГАИО. Ф. р-558. Оп. 1. Д. 60. Лл. 41, 42, 120). Таким образом, в первое десятилетие совет-

ской власти две категории – пожилые и инвалиды – сращиваются, но теперь исчезают слова «старый» и «престарелый», а обозначение «инвалид» объединяет всех, кто не может трудиться.

В результате от статуса инвалида во многом зависел набор прав и привилегий, которыми он мог пользоваться. Если «военные» и «трудовики» в соответствии с официальной идеологией были в определенной степени облагодетельствованы государством, то прочие (кто не обладал необходимыми пролетарскими характеристиками) оставались за бортом социального обеспечения. То же касается пожилых людей – если старик мог доказать, что воевал «с германцем», «против контрреволюции» или же длительное время работал, не используя чужого труда, то он автоматически попадал в разряд «привилегированных» инвалидов, мог претендовать на пенсию, пособие или помещение в инвалидный дом. В противном случае пожилой человек оказывался в положении своего предшественника из дореволюционной России, которого из-за словесных предрассудков или отсутствия других оснований для признания не принимали в число городских пенсионеров и не ставили на довольствие в богадельню. И в том и в другом случае у пожилого человека оставалось не так уж много вариантов дальнейшего существования – или вновь собраться с силами и продолжать трудиться, или же зарабатывать на жизнь попрошайничеством.

Возраст по-прежнему не играл особой роли: когда 82-летний пенсионер из Томска Яков Дмитриевич Яковлев обратился в горсовет с просьбой об увеличении пенсии, чиновники ему ответили, что он вообще «права на пенсию не имеет... и мог бы быть, конечно, лучше обеспеченным, если бы трудоустроился» (ГАТО. Ф. р-446. Оп. 1. Д. 70. Лл. 25, 27). Советское государство впервые провозгласило и законодательно закрепило свою ответственность перед инвалидами и пожилыми людьми, но придерживалось классового подхода, который превратился в ярко выраженный дискриминационный, где даже имевшим право на получение социальной поддержки она была недоступна. Так в обществе стали складываться барьеры, исключавшие инвалидов из общества.

Очень скоро органы социального обеспечения на местах столкнулись с тем, что число беспризорных инвалидов значительно превышает количество «военных» и «трудовиков». Советская власть пошла на то, чтобы предоставить беспризорным инвалидам право на пользование услугами инвалидного дома, однако и здесь они сталкивались с несправедливым к себе отношением. В качестве

иллюстрации можно привести несколько наиболее ярких примеров из актов обследования инвалидов домов Иркутска в 1920-х годах.

Прежде всего само размещение беспризорных стариков-инвалидов считалось проблемой: «...Трудовики и военные размещены гораздо реже, чем беспризорные, и изжить этот недостаток можно, но не знаем, почему собес до сих пор не может изжить этот недостаток» (ГАИО. Ф. р-558. Оп. 1. Д. 90. Л. 32). Что касается обеспечения, то «беспризорные инвалиды в большинстве своем престарелые... выдавать им белье поношенное»; «их обижают тем, что им не выдают целого белья, одежды, постельных принадлежностей, а все рваные и в лохмотьях, да и довольствия выдается наполовину меньше, чем инвалидам-трудоикам и войны, [да еще] и худшего качества»; «...по месяцу не моются в бане... получают неудовлетворительное питание... палаты у беспризорных темные, уход и уборка плохие... Пища приготавливается для беспризорных по уменьшенной раскладке, для инвалидов войны и труда – по увеличенной раскладке и в разных котлах...»; «довольствие инвалиды получают по двум раскладкам... Беспризорные получают паек по уменьшенной раскладке... мяса менее на 28 золотников, хлеба на четверть и без прибавки пшеничного, крупы на 8 золотников, жиров меньше на половину, сахару... и чаю в два раза меньше... Пища варится двумя поварами, т. е. одна варит для беспризорных, а другая – для инвалидов войны и труда» (ГАИО. Ф. р-558. Оп. 1. Д. 60. Лл. 41–45, 120–120 об.).

Подобная дискриминация порождала, по выражению одного из иркутских чиновников, «антагонизм» между инвалидами: «Все беспризорные валяются в грязных лохмотьях... среди этой грязи помещается инвалид труда или войны, у которого целый тюфяк, брюки, белье... и паек хороший» (ГАИО. Ф. р-558. Оп. 1. Д. 90. Лл. 9–9 об.). Даже инспекция органов социального страхования, проводившая обследование, сама сознательно формировала негативное представление о беспризорных и делала соответствующие выводы: «под матрацами у... беспризорных... груды старого прокислого тряпья и ко всему этому бесчисленное количество насекомых (вшей)... у призреваемых инвалидов труда... (их) нет». Но вновь прибывшие беспризорные заносят насекомых: «как не берегись, все равно напоззут. Инвалиды-трудоики разбросаны среди беспризорных... Беспризорные... оборваны, грязные, обзленные»; следует «в кратчайший срок выделить инвалидов труда от беспризорных в особое помещение» (ГАИО. Ф. р-558. Оп. 1. Д. 60. Лл. 41–45).

Нет ничего удивительного, что когда в 1925 году инвалидный дом, о котором идет речь, переезжал на новое место, о некоторых беспризорных стариках просто «забыли». Иркутский врач Ливинский рисовал в своем письме в Губернский отдел социального обеспечения ужасную картину: «В очень тяжелом положении остались и около 40 человек беспризорников-инвалидов, из которых много стариков и больных-хроников. Говорят, при переходе дома был отбор беспризорных и более крепкие и молодые беспризорные были взяты, старики же были оставлены. Все они сейчас брошены на произвол судьбы. Надзора никакого, кухня поломана, разместились они по разным комнатам громадного здания, всюду гадят, льют помои куда попало... Помещение не убрано, отхожие переполнены и не вычищены, двор не прибран от помоев. Бани нет» (ГАИО. Ф. р-558. Оп. 1. Д. 90. Лл. 9–9 об.).

Положение беспризорных стариков-инвалидов в обществе было незавидным, однако среди людей с физическими недостатками была еще одна группа, у которой прав было еще меньше, чем у беспризорных. Четвертую категорию составляли слепые, глухие и умственно отсталые. Они вовсе не вписывались в советскую идеологию социального обеспечения трудящихся, ведь среди них большую часть составляли те, кто не воевал, не трудился в силу своих недугов, и поэтому им в новой системе социальной помощи места не было. Только тот, кто имел трудовой стаж до наступления инвалидности по зрению или слуху, попадал в «привилегированную касту» инвалидов-трудящихся и получал все права на социальное обеспечение. Остальные же «не заслужили», но поскольку трудиться в советском обществе по силам должны все, то советская власть давала и таким инвалидам шанс проявить себя на трудовом поприще, рассматривая его чуть ли не как реабилитационную меру.

К сожалению, пока отсутствуют данные о том, как решалась судьба умственно отсталых инвалидов (хотя есть предположение, что они оказывались в домах для психически больных или умалишенных). Глухих и слепых сначала отправляли в местное отделение Всероссийского общества слепых или глухих, а затем «вовлекали в кооперацию». Что интересно – были разрешены эти самые ВОГ и ВОС, почти независимые общественные организации в условиях, когда по сути единственным полноправным субъектом социальной помощи становится государство. Впрочем, на судьбе инвалидов по зрению или по слуху это отражалось в меньшей степени.

В подтверждение стоит привести заявление Ольги Иосифовны Жуковой, поданное в Правление Иркутского отдела ВОС в 1927 году: «Благодаря своей врожденной инвалидности (почти слепая)... я... как совершенно ни к какому труду не способная, не могла ни до, ни после революции ни работать, ни служить. До революции мне, как инвалиду, выдавалась пенсия, но при Советской власти в выдаче таковой мне отказано за отсутствием у меня трудового стажа, которого я, конечно, по указанным выше причинам иметь не могла. В феврале я была освидетельствована Врачебной комиссией, которая меня признала инвалидом II группы... Может быть, на основании этого... (я получу) возможность воспользоваться льготами, которые предоставлены Правительством инвалидам, и на которые я до сих пор прав не имела, что меня ставило в очень тяжелое положение» (ГАНИИО. Ф. р-1891. Оп. 1. Д. 9. Лл. 22–23).

Слепые-обыватели нередко сталкивались с откровенным ущемлением своих прав. Председателю Иркутского отделения ВОС Рыбалко, ехавшему на II Всероссийский съезд слепых в 1926 году, инвалиды по зрению составили особый «Наказ», в котором требовали: «...Настаивать на скорейшем уравнивании слепых с инвалидами труда и войны в отношении их обеспечения, страхования и предоставления всех прав и преимуществ, присвоенным инвалидам труда и войны, а также в отношении курортного лечения» (ГАНИИО. Ф. р-1891. Оп. 1. Д. 6. Л. 19).

Итак, в первой трети XX века инвалиды и пожилые люди представляли собой единую категорию, которую объединял общий признак – отсутствие работоспособности, невозможность своим трудом себя обеспечивать при неимении родственников и слабом физическом здоровье. Однако если до революции обозначение «инвалид» практически не упоминается и все убогие автоматически приравниваются к престарелым, то после революции ситуация меняется с точностью до наоборот. Социальные статусы инвалидов и пожилых людей сливаются в один общий, и в условиях формирования пролетарской идеологии социального обеспечения к немощным инвалидам и старикам активно применяется принцип: «кто не работал – тот не ест». В связи с этим подходом из системы советского социального обеспечения автоматически исключались никогда не работавшие инвалиды по зрению или слуху. Пожилые и престарелые люди постепенно растворялись в общей массе инвалидов и превращались в «инвалидов старости».

Этимологически слово «инвалид» означает «обесцененный, непригодный, не соответствующий требованиям». Очевидно, что

применительно к изучаемому периоду речь идет о пригодности к труду, соответствии запросам государства, требующего как можно более длительного сохранения трудоспособности. Основным признаком, характеристикой, по которой можно идентифицировать инвалида, должна являться неспособность к регулярному профессиональному труду как источнику самообеспечения. Однако под такую классификацию подходят как раз только престарелые граждане, «в силу своей дряхлости неспособные к труду». Именно это обстоятельство не только повлияло на изменение статуса пожилого человека, но и определило набор социальных прав, которыми он мог обладать (пенсии, социальное обслуживание в инвалидных домах, натуральная помощь и т. п.).

Для остальных инвалидов сложилась парадоксальная ситуация: прежде чем попасть в разряд нетрудоспособных, нужно было сделать определенный «трудовой» вклад (стаж не менее 8 лет), а затем стараться вернуться в число экономически активного населения. Статус «инвалида» давал своему обладателю право пользоваться пенсионным обеспечением, предоставлял множество льгот и в то же время фактически исключал его из общества, поскольку нетрудящимся в новой социальной структуре не было места.

Тем не менее именно социальная политика советского государства в первое послереволюционное десятилетие заложила основы более пристального внимания к проблемам инвалидов и престарелых сограждан. Трудно согласиться с авторами, утверждающими, что в советском государстве сложилась традиционная модель инвалидности. В первой трети XX века в стране, независимо от политического контекста, сосуществовали элементы медицинской и социальной моделей, и к концу 1920-х годов происходил их синтез. Из медицинской модели была заимствована экспертиза инвалидности, зарождающаяся в первые годы нэпа, а также основы реабилитации, понимаемой как процесс восстановления трудовых навыков инвалидов и пожилых людей. В то же время социальная модель проявляется в трактовке инвалидности как утраты способности к полноценному социальному функционированию и решении проблем инвалидов и пожилых людей путем государственной помощи в виде пенсионного обеспечения и системы учреждений социального обеспечения (обслуживания).

Но, несмотря на успехи государства в области социальной политики, социальный статус объединенной группы «инвалиды и пожилые люди» существенных изменений не претерпел. Изменилось название самой группы, изменились внешние формы социальной

заботы, однако инвалиды и пожилые люди оставались самой незащищенной социальной группой.

Литература

Безгин, В. Б. 2004. *Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века)*. Тамбов: Изд-во ТГТУ.

Даль, В. И.

1865. *Толковый словарь великорусского живого языка*: в 4 т. Т. 1–3. М.

1866. *Толковый словарь великорусского живого языка*: в 4 т. Т. 4. М.

Малофеев, Н. Н.

2009. *Специальное образование в меняющемся мире. Европа*: уч. пособ. для студентов пед. вузов. М.: Просвещение.

2010. *Специальное образование в меняющемся мире. Россия*: уч. пособ. для студентов пед. вузов. М.: Просвещение.

О социальном обеспечении инвалидов: декрет Совета Народных Комиссаров. 1921. *Собрание Указаний* 76: 672.

Романов, П. В., Ярская-Смирнова, Е. Р. 2006. *Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России*. Саратов: Научная книга.

Смолькин, А. 2005. Исторические формы отношения к старости. *Отечественные записки* 3: 253–264.

Холостова, Е. И., Дементьева, Н. Ф. 2005. *Социальная реабилитация*. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о».

Шек, О. 2005. Социальное исключение инвалидов в СССР. В: Романов, П. В., Ярская-Смирнова, Е. Р. (ред.), *Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.*: сб. науч. ст. Саратов: Научная книга, Центр социальной политики и гендерных исследований, с. 375–396.

Hubert, J. 2000. *Madness, Disability and Social Exclusion; The Archaeology and Anthropology of 'Difference'*. Routledge: One World Archaeology.

Pearson, J. 2005. *Representing the Lives of Disabled People in History*. Colchester: Colchester Museums.

Архивы:

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ГАНИИО – Государственный архив новейшей истории Иркутской области.

ГАТО – Государственный архив Томской области.